

Денис Колчин

Истерны

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Колчин

Истерны

«Автор»

2026

Колчин Д.

Истерны / Д. Колчин — «Автор», 2026

Истерн — жанр приключенческой истории, аналог вестерна. В истернах, — в отличие от вестернов, где всё происходит на Диком Западе, — сюжет разворачивается на востоке. В данном случае, на Урале, в начале 21-го века. От автора сборника малой прозы "На курортах. Репортёрские рассказы".

© Колчин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рейд	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Истерны

Рейд

Банников открывал сарайку, пристроенную к металлическому зелёному облупленному киоску, чуть нагибался, чтобы не удариться русой вихрастой головой, и принимался отодвигать ящики и составленные друг в друга железные вёдра. Летнее солнце било ему в спину, пока он, в старых грязных джинсах и пропотевшей футболке, превратившейся из белой в серую, рыскал с грохотом во тьме. Скрючившись в три погибели, выискивал косу, купленную ещё дедом.

Древко у неё вроде было крепкое, а вот лезвие покрывала ржавчина. Бросив косу в траву, Банников шёл в киоск за шершавым бурым точильным камнем, а потом садился на завалинку. Подтащив тонкой костлявой рукой инструмент, он шелестел и скрежетал, пытаясь придать ему хотя бы немного былой остроты.

С косой Банников ходил в лес. Дом его семьи располагался на краю посёлка Октябрьского. Тайга начиналась сразу за кривым деревянным забором и тянулась на север, мимо Нижнего Тагила и Серова, до самой тундры. Тундру он видел только по телевизору, а если говорить про север, то дальше Верхотурья не заезжал. Да и когда? В десятом или одиннадцатом классе, во время экскурсии. Шесть или семь часов на автобусе туда и столько же обратно — одно мучение.

В тайге Банников косил папоротник-орляк. Пластал самозабвенно, от души, без пощады. Его задачей было наполнить пару-тройку белёсых пластиковых шуршащих мешков, прежде чем возвращаться. И он старался. Иногда размышлял о том, что ему сказали бы историки-однокурсники, застав за таким занятием. Особенно нездешние. Особенно из районов.

Косить папоротник Банникова учил дед, ветеран завода «Уралэлектротяжмаш». Дед был из деревенских — приехал в Свердловск в молодости, в начале 60-х. Под его крепкой загорелой стариковской рукой папоротник стелился рядами. Так могло продолжаться час-два. Внук повторял за ним, но через пару минут ронял косу, налетающую на корни сосен и трухлявые берёзовые пеньки.

С возрастом Банников приноровился и путешествовал за орляком один. Дед совсем одряхлел, утратив прежнюю силу — ноги начали болеть, давление одолело, зрение упало. Если он и приезжал с дочерью и зятем на машине летом, то ограничивался мелкими работами. Банников же, прихватив «оружие», устремлялся в тайгу, кумекая о своём и кромсая папоротник «на автомате», в совершенстве овладев этим искусством.

Напластав достаточно, он прислонял косу к дереву, разворачивал мешки и наполнял их погибшими растениями. Мешки брал обширные, чтобы влезло как можно больше. Обжигаясь о крапиву и срывая паутину, загребал орляк вместе с листьями и травинками. Потом затягивал ношу, взваливал на плечо и, прихватив косу у основания лезвия, плёлся домой, на участок.

На участке он ставил косу в сарайку, развязывал мешки и вытряхивал содержимое в жестяной бочонок в половину человеческого роста, покрытый оранжевой краской, давно выцветшей и местами отслоившейся. Затем наливал туда воды и закрывал ржавой крышкой. Экологически чистый «продукт» настаивался, а изрядно забродив, смешивался с гнильём из компостной ямы. Получившуюся кашу использовали для удобрения грядок с кабачками и баклажанами, а также в огуречной и помидорной теплицах.

Этими и другими огородными премудростями сперва владели дед и бабка, а потом мать и отец Банникова. Постепенно приобщался и он сам. В школьные годы ему, конечно, это занятие не нравилось, оттого и в посёлок ездить не любил. Но понемногу оттаивала в нём какая-то тяга к загородной жизни, и после школы, поступив в универ, всё свободное время — выходные и каникулы — Банников старался проводить в Октябрьском.

Старшие удивлялись таким кардинальным переменам: мол, откуда это в нём взялось? Раньше невозможно было его из города вывезти, от компьютерных игр оторвать — от стратегий разных и стрелялок. Сидел до часу ночи: танки немецкие жёг, Русь Киевскую создавал, устраивал разборки с уличными бандами, выполнял киллерские заказы. Ничего не хотел — чуть ли не силком тащили на дачу: мол, дедушке с бабушкой хоть немного помощи, не молодые ведь они. . . . И внезапно всё изменилось.

Видимо, сказался характер. Банников рос флегматичным и замкнутым: в детском саду ни с кем не дружил. В школе у него была пара приятелей, но не более. Пацаны игнорировали Банникова, а девчонки называли «неспортивным мальчиком». Другой бы обиделся, но ему было наплевать. Ведь какая разница, кто и что думает? Сейчас приду домой, стану рубиться в «Блицкриг», Hitman или в Max Payne до ночи. Правда, после двадцати лет игры его уже не интересовали — как отрезало. И он оценил прелести жизни в посёлке.

В школе ему приглянулась Ленка Павлюченко, худенькая смуглянка из верующей семьи. Её родители переехали в Свердловск с Южного Урала. Старший брат окончил семинарию и в дальнейшем сделал хорошую карьеру в Екатеринбургской епархии, а сама Ленка стала волонтером в православной службе милосердия. Но всё это случится потом, а тогда десятиклассник Банников размышлял, не обозначить ли свою симпатию с помощью букета цветов. Но флегматизм, социophobia и новая часть стратегии на тему Второй мировой общими усилиями одержали верх.

Мало-помалу им овладела иная страсть — книги. Поздней весной, летом и ранней осенью уезжал в Октябрьский с матерью и отцом на легковушке или на рейсовом автобусе. Отдыхал, просиживая в тени яблонь на раскладном кресле с «Иудейской войной» Иосифа Флавия, «Историей» Геродота или «Анабасисом» Ксенофонта. Вторая половина осени, зима и начало весны его тоже не смущали: если заметало, он доставал из сарайки лопату и рыл дорожку-траншею, а затем выбирал полешки поменьше и затапливал печку-буржуйку на кухне домика. Вскипятив чай и побродив по участку, вынимал из рюкзака томик Гумилёва-младшего или Альфреда Бёрна про Столетнюю войну.

Когда школа осталась позади, созвали семейный консилиум. Все понимали, что ребёнок-гуманитарий не осилит технический вуз даже ради будущей денежной профессии. Потому отец, сам выпускник журфака и заместитель главного редактора городской газеты, предложил свою альма-матер. Мать, бухгалтер магазина одежды, сморщилась и вспомнила про филологический. Они долго спорили. В пылу эмоций кто-то даже ляпнул про философский, но тут перекосило уже самого Банникова — философию он не любил. Кант, Ницше, Гегель и прочие строем следовали куда-то мимо.

В итоге сын журналиста и бухгалтера оказался на истфаке. До заветного количества баллов, позволяющего зачислиться на бюджетное, не дотянул. А вот на платное — вполне. Родители повздыхали, но приняли ситуацию — им не хотелось, чтобы их чадо через год-полтора очутилось на блокпосту где-нибудь на Северном Кавказе или получало табуреткой по башке в каком-нибудь уральском или сибирском гарнизоне. Банников с ними соглашался, но перспективы ему были не ясны, хотя у его отца чуть ли не каждый третий знакомый коллега имел историческое образование.

Учёба давалась ему легко. Про Павлюченко он быстро забыл, ведь одновременно с ним на социологический поступила другая его одноклассница — Ленка Юрковская. Тоже брюнетка, только ещё более смуглая, с пронзительными зелёными глазами. Но с ней ничего не получилось, и он углубился в дебри исторической науки. Изредка отвлекался на однокурсников, которых уже не интересовала степень его спортивности: они все были «неспортивными», и из всех состязаний их заботил лишь пивной «литробол», в котором они соревновались недалеко от универа — в парке за оперным театром.

Поступив на истфак, Банников стал следить за новостями. Особенно его волновали вооружённые конфликты. Тогда американцы как раз воевали в Афганистане с талибами и в Ираке с разными партизанами суннитского и шиитского толка. Ну и окрестности Израиля традиционно бурлили. Живая, так сказать, история. Многие при этом, правда, умирали, но их судьба не заботила студента: для него они были частью представления — реалистичного и, вместе с тем, удалённого на безопасное расстояние.

Более внимательно он относился к известиям с Кавказа. Война там давно уже перекинулась из Чечни на соседние территории — Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию. Везде стреляли и взрывали. И ведь речь шла не о загранице — не о Ближнем Востоке или Африканском Роге — а о России. И шмаляли там увлечённо друг по другу российские граждане.

Впрочем, в разгар лета 2007-го современная история явилась ему буквально среди бела дня. Сперва на сайте одного из областных информационных агентств он увидел заметку: «Под Невьянском неизвестные отобрали у местных охотников ружья. Подозреваемые — пара двоюродных братьев из Татарстана с жёнами». Якобы сторонники джихадистской идеологии. Якобы двинулись куда-то на юг, в сторону Екатеринбурга.

«Ого», — восторженно воскликнул Банников.

Если налётчики взяли восточнее, то Октябрьский вполне мог оказаться у них на пути.

Но потом он решил, что повернуться может и так, и так. Вдруг эти, кхм, повстанцы пойдут мимо Красного, или Кедрового, или вообще попрутся западнее, по пригоркам? А там география-то иная совсем — Верхний Тагил, Новоуральск, Тарасково. Кто их знает?

Погода в конце лета стояла жаркая, сухая. Было некогда рассуждать: земля на участке потрескалась, трава пожелтела. Шлёпки при ходьбе поднимали столбики коричневой пыли.. Сдвинув бежевую кепку на затылок, Банников обозревал семейные владения и, облизывая покрывшиеся коркой губы, прикидывал, сколько времени у него займёт поливка грядок и ягодных кустов.

Для этого использовали скважину, пробурённую в начале 90-х, глубиной метров 50 или 60. Вода, на удивление, нашлась высоко: в чёрный проём загнали железную трубу, сверху соорудили кирпичную надстройку, укрепив основание бетоном. Венчала конструкцию металлическая створка, запираемая на висячий замок.

Чтобы набрать воды, надо было подтащить к скважине насос с прицепленным к нему шлангом и пущенным вдоль прорезиненным электропроводом. Аппарат опускали вниз, прислушивались в ожидании всплеска, бежали в киоск и втыкали вилку в розетку. Поначалу всё молчало, но спустя несколько секунд из недр подземных доносился утробный рык, шланг вздрагивал, твердел, и наверх устремлялась долгожданная влага.

Она обжигала руки древней стужей, колола, резала. Банников пробовал её, наполнявшую воронёное железное ведро, пальцем и сразу же отдёргивал пятерню. Ледяная прозрачная вода жалила, оставляя мокрый розовый след. Набрав несколько вёдер, он ставил их на солнце нагреваться, поскольку холодной водицей поливать грядки строго-настрога возбранялось.

Но вёдер не хватало. Тогда Банников поднимал шланг и тащил его к старой чугунной ванне, громоздившейся на широком сосновом пне. Потом к другой, водружённой на деревьяшки чуть дальше. Вода пузырилась и медленно поднималась, подхватывая хвоинки, опавшие засохшие листья, невесомые останки комаров, мух и каких-то жучков. Она поглощала оранжевые разводы, пыль и переливалась через край, образуя тёмные дорожки на некогда зелёной краске, измученной дождями, снегом и коррозией.

Закончив с ваннами, он отступал. И они, отяжелевшие, до вечера принимали дуновения солнечного ветра. Крупницы космической радиации растворялись в воде, и та, теряя стужу, смягчалась, добрела, обращалась нежной волнистой субстанцией, приятной для человеческого тела и земли.

Дождавшись вечера, Банников поднимал вёдра и, расплёскивая тёплую влагу, осторожно тащил их до грядок и там опорожнял. Затем шёл к ваннам, зачерпывал воду и, шатаясь от её веса, продолжал поливку. Всё повторялось, пока на дне ванн не оставалась мутная взвесь, которую назавтра предстояло разбавить литрами ледяной жидкости из подземелья.

На свежем воздухе скоро хотелось есть. В животе урчало. Когда надоедало терпеть, Банников вытаскивал из пакета печенюшку или кусок сыра или колбасы из герметичной пластиковой тары. Этого, разумеется, хватало ненадолго, и приходилось думать, чего бы приготовить.

Послonyaвшись, он вытаскивал из лежавшего в киоске мешка несколько магазинных картошин и одну морковь. Затем спускался в подпол и поднимался уже с банкой тушёнки — свиной или говяжьей. Сложив нехитрую снедь рядом с чёрным хлебом на клеёнчатом столе, брал ножик и отправлялся за луком, петрушкой и укропом. Он любил зелень и старался непременно добавлять её, если готовил сам.

Срезав пыльные пучки, Банников совал ножик в карман и подставлял добычу под ручьомойник. Хорошенько промыв, нёс на стол, аккуратно клал на разделочную доску и кромсал мелко-мелко, после чего сваливал изумрудную россыпь в тарелку. Дальше наступала очередь картошки и моркови. Их он тоже тщательно мыл, чистил и отправлял под лезвие, превращая в неаккуратные кубики. Аналогичным образом шинковал головки лука и зубчики чеснока.

Отодвинув жертвенные овощи, Банников доставал кастрюлю, лил в неё воду и ставил всё на переносную электроплитку. Дуга плитки постепенно раскалялась, и вода в кастрюле начинала ворчать. Дождавшись кипения, он запускал картошку с морковью, лук, чеснок и зелень, бросал туда тушёнку и щепотку соли. Чуть погодя, снижал нагрев и принимался помешивать варево блестящим черпаком из нержавеющей стали. Результат его, как правило, устраивал. А спустя час после обеда из подпола извлекалась поллитровая запотевшая бутылка пива, убедительный адвокат человеческой жизни.

Порой Банников срывался на прогулку. Ну, как срывался — родителей не предупреждал, но собирался заранее, втихомолку. Разворачивал карту, изучал маршрут, чтобы уйти на половину дня или даже на целый день. У него была потребность охватить пространство взглядом — окрестные деревни, леса, речки, болота, высоты. Он никогда не ходил наугад. Блуждания в поисках ягод и грибов презирал.

Один из таких маршрутов направлял на север. Банников кидал в рюкзак пластиковую бутылку с водой и упаковку печенья и выбегал за околицу. В лес вела короткая грунтовка, сменявшаяся широкой тропой. Тропа не мельчала и, никуда не сворачивая, стремилась напрямик к соседнему посёлку Красному. Красный — раза в три больше Октябрьского. Там даже есть своя школа, а на окраинах — склады магазинов бытовой техники, торгующих в Екатеринбурге. Весь Красный работал на этих складах.

Но Банникова склады Красного не интересовали. Не достигая посёлка совсем немного, он удалялся налево, держась тропинки. Здесь она сужалась, и ветки кустов цепляли футболку. Затем дорожка огибала болото Лубяное. В этом месте лес редел, и можно было рассмотреть ковёр трясины с лохматыми кочками и страшными стволами мёртвых берёз.

Миновав болото, он выбирался к неширокой синей речке Адуи и шлёпал дальше вдоль неё, отмахиваясь от надоедливых комаров. Тропинка почти исчезала. Попадавшиеся по пути ручьи он перепрыгивал, но через пару-тройку километров сбоку выворачивала речушка Хвошевка, младшая сестра Адуи. Хвошевку Банников перепрыгнуть уже не мог, да и брода рядом не имелось.

Конечно, прояви он хоть малую долю настойчивости, мелководье удалось бы найти. Но Банников не желал возвращаться вечером, по темноте, а потому, немного отдохнув, следовал обратно — к ужину, бутылочке пива или чекушке.

Честно говоря, путешествовать за Хвошевку особого смысла не было — там уже простиралась непролазная тайга. В Адуи ныряли новые речки и ручьи, делая его полноводным.

И лишь ближе к месту слияния с Режем, где высилась гигантская скала, прозванная Аduit-камень, с востока сквозь дебри прорывалась другая тропа, размотавшаяся от железнодорожного посёлка Крутиха.

Вернувшись, Банников поливал ещё раз картошку и грядки с кустами, ужинал и, окатившись тёплой водой, вытаскивал кресло-качалку. Старое, унаследованное от каких-то дальних сибирских родственников и привезённое дедом в незапамятные времена, оно чуть-чуть проседало, когда в него опускались, а затем, поскрипывая в такт движениям, легонько вздымалось и обрушивалось нижними дужками боковин, уминая высохшую землю.

Медленно покачиваясь, он скользил взглядом по участку. В присутствии вечера всё меняло цвет: теплицы, гряды, яблони и вишни. Ботва и листва из ярко-зелёных становились тёмно-зелёными, стволы и ветки багровели. Стёкла приобретали особую розоватую прозрачность. А когда солнце падало за горизонт, всё поглощала глубокая синева, мутирующая в черноту, и вскоре становились видны только силуэты деревьев и строений. Изредка налетал прохладный ветерок, и обильно усеянный ботаникой участок шелестел, шуршал, скрипел.

Домики на соседских участках тоже превращались в чернильные контуры. У кого-то в дальних садах лаяла собака. Бордовым загоралась пара окошек. Вечернее безмолвие окутывало посёлок, разрастаясь в ночное. Банникову нравились такие мгновения. Замирая в кресле, он прислушивался к растениям, начинавшим свои беседы.

Лес за Октябрьским сгущался. Сосны, берёзы, ели сливались в единое мрачное полотно, нависавшее над забором, домом и участком Банниковых. Но он сам не боялся — давным-давно уже привык и не обращал внимания на эту величественную композицию, воспринимал её как фон. Лишь иногда останавливал взгляд на ближайшей лиственнице, таявшей во мгле, и словно проваливался в бездну оттенков нефти.

Зато небо над лесом напоминало свежий свекольник: багровые полосы слоились, истончаясь и приобретая мягкость и бледность. Эта бледность насыщалась ядрёной сиренью, а та расплывалась ежевичным вареньем, сквозь желейную толщу которого пробивались одинокие огоньки — отблески затерянных в космосе звёзд.

Бывало, Банников разводил костёр. Складывал колодцем несколько берёзовых полешек, запихивал внутрь мятую газету, уплотнял её шишками и ветками. Чиркал спичкой, и пламя быстро занималось. Он подбрасывал туда кору, сучки, хвою. Огонь пожирал подношения, взвиваясь и освещая окрестности.

Утром Банников выпивал стакан прохладной воды и думал, чем бы перекусить. Обычно он обходился чаем с бутербродами или печеньем, но иногда, если имелось настроение, делал яичницу или омлет, добавляя зелени. Нередко оказывалось, что продукты закончились, и он, накинув рубашку, подтянув штаны, взяв рюкзак и заперев калитку, плёлся до поселкового магазинчика.

Улица, по которой приходилось тащиться, представляла собой, скорее, направление — ухабистую колею, густо заросшую по обочинам. Заросли эти прорезывались дорожками из просыпанного утоптанного гравия, которые утыкались в разноцветные металлические заборы с воротами. Рядом «паслись» припаркованные легковушки, а по ту сторону заборов торчали одно- или двухэтажные домишки, ветхие или недавно покрашенные.

Магазинчик торчал в центре Октябрьского, возле скамейки под навесом, то есть — автобусной остановки. Да и не магазинчик вовсе — так, большой киоск. Зарешечённые окна в пыли, на ставнях ржавчина, распахнутая дверь, привязанная за ручку бельевой резинкой к решётке — короче говоря, надежда сельчан в моменты истощения продуктовых запасов.

Ассортимент не особо впечатлял: газировка, минералка, дешёвые пиво и водка, разные продукты — всем этим великолепием распоряжалась сухощавая прокуренная русоволосая продавщица тётя Рая, лет пятидесяти пяти. Отпуская товар, она успевала судачить с покупателями о погоде, предстоящем урожае и ещё какой-то ерунде.

Банников ограничивался консервами, макаронами и печеньем, так как чай привозил с собой. Овощи — тоже, либо понемногу собирал на участке, так сказать, на пробу в преддверии сентября. Вообще, он предпочитал затариваться в городе, но «городская» еда тратилась и, скрепя сердце, Банников посещал поселковую «точку сбыта».

Магазинчиковое бухло он не воспринимал — даже на дегустацию не тянуло. Да и зачем, если на участке его дожидалось чешское или немецкое пиво, ставропольский самогон или армянская тутовая водка, дагестанская кизлярка или американский вискарь. Не сам, конечно, покупал — брал из семейных запасов. В жару он выпивал по бутылке пива в день. Если же погода не изнуряла, то пропускал в обед рюмашку. А вечером, во время ужина, ещё.

Как-то раз, в последние июльские дни, уже после тех новостей о случившемся под Невьянском, Банников проснулся от непривычного звука — рокота вертолётных лопастей. Стрекочущий грохот пронёсся над посёлком и потом долго растворялся, удаляясь на север. Можно было подумать, что это «вертушка» МЧС — они периодически появлялись, обследуя тайгу в поисках пожаров. Но затем, в течение дня, рокот возвращался. Прикрыв пятернёй глаза от солнца, Банников пытался рассмотреть камуфлированные Ми-8, возникающие над лесом.

Перед обедом он отлучился за мелкой солью до магазинчика и увидел напротив останки бело-синий милицейский УАЗ. Двери его были открыты, и было видно, как двое сотрудников лениво о чём-то переговаривались. На задних сиденьях валялась пара укороченных «калашей».

«Ни хрена себе», — удивился Банников.

«Ментов» у них не наблюдали очень давно. А тем более — вооружённых автоматами.

«"Духи" эти где-то неподалёку, что ли? — озадачился он. — Судя по всему».

И сразу в животе заныло, ладошки вспотели. Купив соль, но от волнения не мелкую, а крупную, Банников поспешил домой и, затворив калитку, уселся на завалинку, пытаясь успокоиться.

Занимаясь ежедневными садовыми делами, он отвлекался. Но «вертушка» продолжала барражировать над окрестностями, а ближе к обеду по улице проехал тот самый УАЗ, а за ним — ещё один. Соседи провожали их, привстав на цыпочки и шушукаясь.

По большому счёту, с войной Банникова ничего не связывало, кроме просмотра новостей. Ну, и ещё в его группе учился Женька Родионов: маленький, изъеденный прыщами, отслуживший срочку и по контракту снайпером во внутренних войсках. Служил Женька в Чечне и порой, когда накатывало, рассказывал Банникову, как убивал людей. Тот молча слушал, ибо что тут можно ответить, особенно если не имеешь подобного опыта.

Отец Банникова по молодости, в начале 80-х, просился в Афганистан исполнять интернациональный долг. Но не взяли. А дальше — семья, ребёнок, нагрянувшие перемены — стало как-то не до приключений. Но приключения сами пожаловали. Город захлестнули криминальные конфликты: «Уралмаш» против «Центровых», «Центровые» против «Синих»... Отец, будучи журналистом, обо всём этом подробно писал. Ну, а что? Хотел на войну — вот тебе война...

Обычно, когда наплывала жара, Банников задумывался о воде. Водоём, а вернее — затопленный неглубокий карьер, располагался на восточной окраине Октябрьского. Дорога туда лежала через посёлок, мимо магазинчика. За крайними заборами она обращалась в тропку, очень короткую, на пару минут ходьбы. Прощвырнулся — и уже на месте. Хоть плавай, хоть ныряй, если умеешь.

Сам прудик был вытянутым, узким. Если обойти, то ноги выносили к железнодорожной ветке. Вдоль неё, немного южнее, лежал крупный пристанционный посёлок Кедровка. Однажды Банников ездил туда с отцом за гречневой шелухой для удобрений. За Кедровкой — воинская часть и болото Мочаловское, за ними — шоссе до городка Реж. За шоссе — сплошная тайга. Зелёная, синяя, сизая. До другого городка — Асбеста.

Выйдя к пруду, Банников, как правило, осматривался. Там всегда тусовалось несколько подростков, и на раскладных стульчиках или притащенном откуда-то полене сидел кто-то из пенсионеров. Банников скидывал шлёпанцы и, закатав до колена штаны, заходил в воду. Грязные пыльные ступни обдавала приятная прохлада. Он закрывал глаза и больше не двигался.

Так всё складывалось и в день появления «вертушек». Под вечер Банников отправился на водоём, но кроме обычных купающихся встретил там тех самых милиционеров, которых видел чуть ранее. Их УАЗ был припаркован рядом, а сами стражи порядка, побросав обувь, бродили, разгоняя волны, вдоль берега, подогнув серые форменные брюки.

«Значит, серьёзная история, если до сих пор здесь», — предположил Банников.

Вскоре его опасения подтвердились. В новостях сообщили, что «духов» с жёнами засекли в лесу, у Ольховки. В погоню бросились двое тамошних милиционеров и пара егерей. Думали управиться, наверное. Но где-то возле Мостовского по ним открыли огонь. Засада была устроена грамотно: оба милиционера и егерь погибли. Второй получил свинца в руку, но сумел убежать. «Духи» собрали оружие убитых и скрылись.

— Охуеть, — произнёс Банников.

Значит, джихадисты, уйдя от Невьянска, всё-таки двинули восточнее и теперь, вероятно, приближаются к Октябрьскому. А может, и нет — вполне могли повернуть, например, к Режу, учитывая, что за ними «хвост».

Как бы то ни было, засада у Мостовского спровоцировала усиление режима. Над Октябрьским чаще стали курсировать «вертушки», в посёлок нагнали милицейских экипажей. Участковый посещал адреса, расспрашивая насчёт подозрительных незнакомцев, а на въезде появился пост ГИБДД — всех приезжающих и уезжающих тормозили, проверяя документы и тщательно исследуя машины.

Но со временем тревога улеглась. Милиционеры и сельчане расслабились. Банников, который предпочёл отсидеться у себя на участке, тоже устал опасаться и, взяв косу и мешки, вновь отправился в тайгу за папоротником.

— А чего дрожать зря? Работу никто не сделает, — приговаривал он, орудуя инструментом.

На ближайших к участку полянах папоротник, полёгший в прошлые разы, вырасти не успел, а потому Банников углубился в лес. Солнышко постепенно припекало, и он, прихлопнув очередного комара, присел отдохнуть, а затем вновь принялся увлечённо пластать.

За работой он даже не обратил на них внимания. А когда поднял голову, оторопел. Перед ним стоял небритый черноглазый парень примерно его возраста — в белых кроссовках, камуфлированных штанах, зелёной футболке и такого же цвета бейсболке. За плечами у него горбился чёрный рюкзак, сбоку болтался милицейский складной «калаш». Держа в руках двустволку, парень внимательно, не моргая, смотрел на Банникова.

Поодаль стояли две утомлённые девушки-татарки в серых платках, песочных ветровках и длинных коричневых юбках, усеянных прицепившимися травинками, репьями и мелкими веточками. У девушек тоже были рюкзаки. Одна из них взволнованно переводила взгляд с парня на Банникова и обратно. Другая, заметив банниковскую косу, торопливо повернулась назад, навстречу второму стрелку.

А тот — по одежде и вооружению похожий на первого, но пошире в плечах, повыше ростом и с редкой растительностью на лице — обошёл их и остановился чуть левее. Банников оказался бы под перекрёстным огнём, вздумай они разрядить по нему стволы. Но тот не дёргался.

Так продолжалось около минуты. Затем черноглазый, не отвлекаясь от Банникова, приложил указательный палец правой руки к губам и медленно двинулся дальше. Банников слабо

кивнул. Черноглазый бесшумно проследовал мимо. За ним — настороженные девушки и, наконец, замыкающий, державший ружьё наготове.

Банников судорожно проглотил скопившуюся слюну. Тело дрожало. Косовище там, где он за него держался, сделалось сырым от пота. Под сердцем мелко-мелко закололо. Обширно вдохнув, студент сипло кашлянул и шмыгнул носом, боясь оборачиваться.

В этот момент черноглазый притормозил, оглянувшись на замыкающего, и что-то тихо произнёс. А тот, опустив ружьё с автоматом в траву, вынул из кармана складной нож и в два счёта оказался позади Банникова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.